

ТЫЦКИХ Владимир Михайлович (1949–2024)

Родился 29 июня 1949 г. в Лениногорске (ныне – Риддер, Казахстан). Окончил Усть-Каменогорское медучилище, Высшее военно-морское политическое училище в Киеве, курсы военных журналистов во Львове. Более 20 лет отслужил на Балтийском и Тихоокеанском флотах. Автор поэтических сборников «Честь флага»(1984), «Пишу тебе, любимая» (1986), «Встретимся утром» (1987), «Центральный отсек» (1996), «У русского Босфора» (1996), «О чём мечтает пуля» (2002), «Пожалейте бедных фараонов» (2007) и др. Заслуженный работник культуры России. Жил и умер во Владивостоке. Дед, мамин отец, Николай Фёдорович Осипов, ушёл на фронт в декабре 1941-го. Сержант, командир отделения. Пропал без вести в 1943 г. Отец, Михаил Сергеевич Тыцких, был рядовым – водителем в составе Отдельного автомобильного батальона Ставки Верхового главнокомандования, прошёл от Москвы до Карлсхорста, где Германия подписала капитуляцию.

БАЛЛАДА О МОЛЧАЛИВОМ ЧЕЛОВЕКЕ

*Деду Николаю Осипову,
пропавшему на войне*

Бойцы поют – и он запеть не против,
Да так, что подступает к горлу ком.
И всё-таки во всей стрелковой роте
Его считали первым молчуном.

А до войны... Случались незадачи!
Жена серчала – аж до горьких слёз.
Тряхнёт косой, лицо в ладони спрячет:
«Немтырь!* Хотя б словечко произнёс...»

Чё тут поделашь? Батина порода.
Чё языком-то молотить зазря...
Он прожил с ней счастливейших полгода,
Ни разу про любовь не говоря.

Теперь дела иные – вся Европа
С ним повела сурьёзный разговор...
Он взял комок земли со дна окопа,
В руке шершавой медленно растёр.

Нахмурился... Хорошая земляца.
Изрыта скрозь. А на полях – весна...
Быть может, он ещё разговорится,
Когда пройдёт треклятая война.

...Земля от взрыва близкого качнулась,

Комроты хрипло выкрикнул: «За мной!» –
И рота поднялась, и развернулась,
И приняла порядок боевой.

Молчун винтовку вскинул самый первый
И выстрелил, и побежал вперёд –
Туда, к леску, где в судороге нервной
Забился чужестранный пулемёт, –

И вдруг упал. Но в рост поднялся снова.
Гранату бросил. Пробовал бежать.
И вновь упал. И не сказал ни слова.
Но большего уже нельзя сказать.

Так, без причины, припомнил нечаянно:
Детство, изба, за окошком буран.
Песню какую-то очень печальную
Пел мой отец под соседский баян.

Хмурый хозяин баяна трофейного
Был без ноги и почти безголос.
Помню глаза, словно зёрна кофейные,
Ёршик уже поседевших волос.

Помню: сосед обнимается с батюю,
На пол поставив трофей фронтовой:
«Ногу... на mine пехотной... в Прибалтике.
Главное дело – остался живой!»

Помню, как оба, уже осовелые,
Долго, не чокаясь, пили вино,
Пели «Землянку», «Метель эта белая...»
И, умолкая, глядели в окно.

Помню: качалось за стёклами деревце.
Помню: качнувшись, сосед прохрипел:
«Мать... и жену... топорами... бандеровцы...»
Больше никто в этот вечер не пел.

ВETERАНЫ

Пусть летят года, но не забудут
Все, кому отчизна дорога,
Что на свете есть святые люди,
Спасшие Россию от врага.

Вы под ношей тяжкою негнулись,
Смерть бродила рядом, в двух шагах,
Вы не знали что такое юность,
Повзрослев в окопах на фронтах.
Довелось испить вам полной чашей
Тяготы лишений фронтовых,
Но и позже, в мирной жизни вашей,
Вы всегда трудились за двоих.
И пока на свете есть такие
Ветераны с сердцем молодым,
Верим – над великою Россией
Небо будет вечно голубым!

Мир прекрасен, но так хрупок он,
А война – незаживающая рана.
Дорогие наши ветераны,
Низкий вам, земной поклон!

ВЕТЕРАН

В сквере у аптечного киоска,
О тепле ушедшем не скорбя,
Лета порыжевшие обноски
Осень примеряет на себя.

Старый человек в костюме сером,
Молчаливый, как солдат в строю,
То гуляет медленно по скверу,
То бочком присядет на скамью.

Он уходит тихо ровно в полдень,
И костыль дрожит в его руке,
И алеет каплей крови орден
На потёртом сером пиджаке.

Продавец аптечного киоска,
Глядя уходящему вослед,
Выкурит в раздумье папироску
И киоск закроет на обед.

Мирный жребий военного флота:
Днём и ночью курки взведены.
И живёт ощущение фронта
В нас, родившихся после войны.

Мнится: вновь в маскировочном мраке,
Словно белые кости в золе,
Проступают кресты из бумаги
На дрожащем оконном стекле.

Вспоминает земля потаённо
Столько раз пережитую боль!
Из чехлов достаются знамёна,
И мальчишки стригутся «под ноль».

Военкомы не спят до рассвета,
И не знает никто наперёд,
Кто домой возвратится с победой,
Кто назад никогда не придёт.

Вот уже на причале толкуются.
Вот стоит эшелон на пути.
Остаётся уйти и вернуться.
Или, может быть, только уйти.

ДОРОГА НА ХАТЫНЬ

*...чтобы каждый видел грудь
четвёртого человека...*
Строевой устав Вооружённых Сил

...погиб каждый четвёртый.
Надпись у Вечного огня Хатыни

Как далеко мой полуостров,
Где ветер о штормах поёт
И где в литом строю матросском
Есть место штатное моё!

На край тайфунов и цунами
Я поневоле оглянусь,
Когда зелёными холмами
Плывёт навстречу Беларусь.

Асфальт шоссейный превосходен.
Чиста надоблачная синь...
Всё дальше прошлое уходит,
Но приближается Хатынь.
И гул мотора словно тает:
Среди сосновой тишины
Я не могу никак представить
Живых подробностей войны.

Тем паче не представлю мёртвых,

Но верю вопреки всему –
В моей шеренге есть четвёртый,
И я равняюсь по нему.

УТРЕННИЙ СОН

Три брата, сыны Михаила и Раи,
Мы жить начинали в тепле и добре
В крестьянской избушке чуть больше сарая,
Стоявшего возле плетня во дворе.

Всё сложно и просто в пространстве подлунном,
Земля то цветёт, то уходит под снег,
Гремят и поют барабаны и струны,
И времечко наше летит, как во сне.

Во времечке этом и звёзды, и пули
То реже, то чаще и гуще летят.
А трое мы, помнится, только проснулись,
Похожи на глупых бескрылых утят.

На цыпочках к двери пошли друг за другом –
Нам было тревожить отца не с руки.
И мама с надеждой глядела. И туго
Судьба начинала вязать узелки.

Лучи между делом уже осветили
Наш домик от тёмных углов до венца.
В нём не было сенок, мы дверь отворили
И шустро гуськом соскочили с крыльца.

И утро прохладное ласково длилось.
Мы трое – втроём интересней втройне –
Играли в войну. А отцу ещё снилось,
Что он неженатым погиб на войне.

1955. ВОСКРЕСЕНЬЕ

Мама наварила каши
(манка, ешь её опять...)
и пошла до тёти Маши
малость денег подзанять.

Дядька Фёдор, к тёте Фросе
притулившийся мужик,
прибыл первым:
– Вот и гости!
Руку в руку мне:

– Держи!

И другие друг за другом –
вроде и никто не звал –
за столом расселись кругом,
как солдаты на привал.

Папка чуть задел по струнам –
балалайка трень да брень.
Я стою, прижавшись к стулу.
На дворе стоит теплынь.

Вон выходит кот учёный.
Балалайка трень да брень.
Что за трели, что за звоны –
только слушай целый день!

Заблестев медалью гордо,
севастопольский герой,
для начала дядька Фёдор
льёт по норме фронтовой.

А пришедший из-под Курска
с деревянной ногой
дед Степан, хрустя капусткой,
наливает по второй.

Пашка, бывший замкомвзвода,
холостяк по кличке Флирт,
то ли спирт добавил в воду,
то ли воду ахнул в спирт.

Треньди-брынди, тренди-бренди –
инструмент разгон берёт.
Дядька вымерит по третьей.
Дед четвертую плеснёт...

На дворе теплынь такая!
Солнце жарит. Ветер спит.
Кот, в тенёчке отдыхая,
на завалинке молчит...

Нет на белом свете счастья.
Долго мама не идёт.
Папка струны рвёт на части.
Балалайка душу рвёт.

Так и этак, ух ты, ах ты,

ай люли да разлюли!..
Вот бы к нам соседи завтра
С тётёй Машей бы пришли...

ОДИНОКИЙ

Мы в субботу топим баню.
Мне известно наперёд –
К нам в субботу дядя Ваня
Обязательно придёт.

Дядя Ваня очень странный:
Я не знаю, почему
Ни про что он даже спьяну
Не расскажет никому.

Мне, что он мужик нездешний,
Говорили пацаны,
Что прошёл сквозь ад кромешный,
А сюда пришёл с войны.

Что работник он исправный,
Резкий только сгоряча.
Что ещё совсем недавно
Чьи-то письма получал.

Что на фронте шибко ранен...
Что каких-то ждёт вестей...
Я спрошу у дяди Вани
Про жену и про детей...

Возле бани дядя Ваня
Мнёт махорочку в горсти.
Машет мне:
– Иди ты в баню! –
А куда ещё идти?

СПАСИТЕЛИ ЗЕМНОГО МИРОЗДАНИЯ

Спасители земного мироздания,
Случайно избежав смертей и плена,
Отцы не тяготились воспитаньем
Нас, первенцев поры послевоенной.

В эпоху исторических напастей
У худеньких детёнышей Победы
Всё было для неслыханного счастья.
Ну, если не считать велосипеда.

А впрочем, кроме Родины и чести,
Нам требовалось, в общем-то, немного.
Какие-то совсем простые вещи.
Свой дом. Своя любовь. Своя дорога.

От печки до космической орбиты
Жизнь справедливо расставляла точки,
Брела, летела, делала кульбиты,
На тоненьком висела волосочке.

Не знаем кем, но были мы хранимы,
А про других грядущему расскажет
Молчание развалин Хиросимы
И припятских пустых многоэтажек.

А что до нас – сдают немножко ноги,
Но кто-то дорожит, наверно, нами,
Хотя за каждым камнем на дороге
Уже лежит такой же твёрдый камень.

То лес горит, то дождь кислотный хлещет.
Но вновь спасают нас на свете этом
Какие-то совсем простые вещи.
Ну, если не считать велосипеда.

БАЛЛАДА О ГОДЕ РОЖДЕНИЯ

Вячеславу Протасову – другу-поэту

Значит, год сорок девятый.
На дворе двадцатый век.
Мы слепые, как котята,
Сладко чмокаем во сне.

Кто в прекрасном штатде Гере*,
Кто в глуши Алтайских гор.
Все грядущие потери –
Просто чей-то глупый вздор.

Победившие солдаты
На постах своих стоят.
Пусть не очень-то богата,
Жизнь кругом идёт на лад.
Собрались восток и запад
Никого не обижать.
А иначе мамы-папы
Нас не стали бы рожать.

Ну а кто недобрым часом

Сдуру шибко зашалит,
Офицер Василь Протасов
Мигом пушки расчехлит.

На большой проект «Манхэттен»
Батяка мой сказал «Фу сим!» –
Не должно быть безответных
Нагасак и Хиросим**.

И в державе всё в порядке:
Неизвестно, там ли, здесь
(Здесь оно, конечно, вряд ли),
Только бомба тоже есть.

Не болтают наши люди,
Но без дела не сидят.
У страны у первой будет
Термоядерный заряд.

Долго нас никто не тронет.
Урожай в полях растёт.
Книг пока не пишет Лёня.
Миша премий не берёт.

Время дышит далью близкой
И, пока мы сладко спим,
Только зыбает Бориску***,
Только люлит иже с ним.

Любим мы страну родную,
Наплевав, что там и тут
Нам под музыку чужую
Наши лазари**** поют.

Что они, набивши брюхо,
Разменяют по рублю
СэСэСэР на эсенгуху*****,
А Россию на Чечню.

Ведь пока, по крайней мере,
Тихо в мире и в душе.
И Протасов в штадте Гере
Голос пробует уже.

С хлебом скромно. Но по стали
Бьёт страна рекорд не зря.
И какой-то Аллен Даллес*****
Нам вполне до фонаря.

Сталин жив пока, и значит,
Вечно жить ему пока,
И Хрущёв на ближней даче
Смирно рубит гопака.

Всё не то чтобы прекрасно,
Но в тюрьме сидит ворьё,
И про жизнь малец Протасов
Песни первые поёт.

Ни взхлёб не славит этих,
Не несёт по кочкам тех,
Не кричит, что в целом свете
Он, любимый, лучше всех.

А поёт о том, что звёзды
Горним светятся огнём,
Что, ложась порою поздней,
Ранним утром мы встаём.
Нам бы справиться с делами –
Их опять невпроворот;
Если правда наша с нами,
Значит, час её придёт.

...Век прошёл, а песни эти
Нам допеть не довелось.
Ну и что? Тысячелетье
Только-только началось!

* Гёра – город в Германии, где родился В.В. Протасов.

** Хиросима и Нагасаки – города в Японии на юго-западе острова Хонсю, которые 6 и 9 августа 1945 г. США подвергли атомной бомбардировке

*** Имеется в виду Б.Н. Ельцин, первый президент РФ.

**** Петь Лазаря – кланчить, нить, попрошайничать, преувеличенно жаловаться на судьбу, стараясь вызвать сочувствие окружающих.

***** Эсенгуха – от слова «СНГ» (Содружество Независимых Государств).

***** Американский дипломат и разведчик, руководитель резидентуры Управления стратегических служб в Берне (Швейцария) во время Второй мировой войны, директор Центральной разведки (1953–1961).